

УДК 94(47)084.9

Мечта о Новом городе: привязка к местности и обстоятельствам*

Л. М. Салахова

Восточно-Сибирская академия образования, г. Иркутск

Анализируется проблема формирования социального пространства новых индустриальных городов, возведенных во второй половине XX в. На основе документов устной истории выявляются ценности, доминирующие в сознании первого поколения горожан, повлиявшие на формирование идентичности первостроителя.

Ключевые слова: социокультурные исследования, образ города, социальная общность, устная история.

...Исследования, посвященные России и СССР, рассматривают города в качестве тем, заслуживающих специального анализа: или как пространства, где люди стремятся к индивидуализму и полноте жизни, как культурные артефакты, обрастающие мифами и воспоминаниями, или как структуры, формирующие мировоззрение конкретных людей, их идентичность и представления. ...Парадокс заключается в том, что авторы всех этих исследований не подозревают об их цельности и значимости перед лицом урбанистической историографии.

Стивен Биттнер, «Куда идет историческая урбанистика?» [6, с. 37]

Постижение особенностей процесса модернизации Сибири во второй половине XX в. предполагает постановку проблемы понимания нового города. В число таковых можно включить 28 городов, построенных в Восточной Сибири. К ним трудно применить традиционное определение города. Первоначально этимологический смысл слова «город» соотносился с понятием «ограда, забор», затем – «огороженное место» и далее – «город, крепость» [8]. Город противостоит открытому и неструктурированному пространству. Человек укрывается за его стенами от внешней опасности. Однако феномен новых индустриальных городов требует от исследовате-

* Статья подготовлена при частичной финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., соглашение № 14.В37.21.0258.

лей иного подхода к сущностным характеристикам города. Внимание многих урбанистов сосредоточено на характеристиках физического пространства (территория, природно-климатическое и географическое положение, инфраструктура и др.). Существует потребность и в более глубоком постижении динамики социального пространства. Пьер Бурдьё назвал его «невидимой реальностью, которую нельзя ни показать, ни потрогать пальцами, но которая организует практики и представления агентов» [10]. Соединяя характеристики физического и социального пространств, можно приблизиться к пониманию нового города, его смыслов.

Город – это продукт деятельности человека, поэтому целесообразно обратиться к чувственному опыту создателей новых городов. «Но это лишь часть того, что позволяет построить описание состоявшегося прошлого города, соотнести эти описания с артефактами и зафиксировать противоречия, поскольку именно сущностные характеристики города фиксируются на основе исследования противоречий чувственного и рационального опыта» [9].

Образ города – это относительно устойчивая и воспроизводящаяся в массовом и/или индивидуальном сознании совокупность эмоциональных и рациональных представлений, складывающаяся на основе всей информации, полученной из различных источников, а также собственного опыта и впечатлений. Воспоминания участников строительства новых городов позволяют понять, под влиянием каких конкретных факторов формировались отдельные составляющие образа города представителей разных поколений. Уточним, что образ города – это широкое понятие и включает в себя стереотипы о городе, облик города, статус города, городскую мифологию, городской фольклор, городскую символику и эмоциональные связи с городом. Решение этой исследовательской задачи, на наш взгляд, является необходимым условием понимания нового города, его смыслов.

Круг устных источников, доступных нам, включает в себя воспоминания первостроителей Братска, Усть-Илимска, Железнодорожска-Илимского, Кодинска. Это рассказы людей, родившихся в период с 1930-х до 1960-х гг. Время вступления респондентов в период социальной активности и самостоятельности совпадает с эпохой воплощения грандиозных экономических проектов советского государства в Восточной Сибири. Они охватывают период с 1950-х до 1980-х гг. В основу данной публикации положены воспоминания первостроителей города Братска.

Необходимо разделить наших респондентов по группам: техническая интеллигенция, костяк которой составляли выпускники вузов г. Москвы, Ленинграда, Одессы; демобилизованные моряки; выпускники сибирских вузов и техникумов; выходцы из сельской местности и городов, приехавшие на стройку в поисках лучшей доли. Анализ биографического нарратива предваряет характеристика физического пространства нового города, в нашем случае Братска. Такой шаг предпринят для того, чтобы можно было увидеть совпадение или противоречие между чувственным опытом и конкретной практикой.

Некоторые индустриальные города строились в районах нового освоения, т. е. фактически на пустом месте, без каких-либо четких планов градо-

строительного характера. На первом месте стояла задача возведения промышленных гигантов. Ярким примером служит город Братск. Ситуация неопределенности здесь растянулась практически на целое десятилетие. Восстановим некоторые вехи этого периода в истории города. Это позволит глубже понять впечатления, ощущения и конкретные социальные инициативы поколения первостроителей.

С 1954 г. на пологой левобережной террасе, вблизи Падунских порогов, был разбит обширный палаточный городок. Именно здесь расселились первые строители гидроузла [11, с. 140]. Еще в 1949 г. на Падунском пороге начинает работать Ангарская комплексная изыскательская партия Гидроэнергопроекта, которая выбирала место для будущей гидроэлектростанции. Ее работники проживали в деревне Падун, подлежащей затоплению. На значительном расстоянии от этого места находилось село Братское, которое в 1951 г. было отнесено к категории рабочих поселков [12]. Оно тоже попадало в зону затопления, и на его территории не велось новое строительство, т. е. судьба будущего города ни в коем случае не была связана с этим поселением.

Строители размещались в нескольких палаточных городках (самый известный носил символическое название – Зеленый). Признаков города производственного поселка не имел: отсутствовали жилищные объекты, объекты повседневного обслуживания, объекты периодического обслуживания, не была развита инфраструктура, промышленные и селитебные зоны, а также не существовали территориальные границы «города». Но именно с ним большинство строителей и горожан связывают событие 12 декабря 1955 г. – обретение статуса города. И только 24 марта 1956 г. Совет Министров СССР принимает постановление № 389 «О мероприятиях по переселению населения и переносу на новые места строений и сооружений».

Начальный этап строительства Братска характеризовался хаотичным процессом переселения из зоны затопления. Поскольку не было выделено специальных мест расселения, индивидуальные строения в основном переносились в поселки Гидростроитель и Падун. Нередко первостроители сами решали проблему обеспечения жильем, в соответствии со своими представлениями, социальным опытом и материальными возможностями. Они строили так называемые временки, благо строительные материалы были в избытке.

Изначально в одних схемах намечалось строить город в зоне Братской гидроэлектростанции. Расстояние от него до ряда промышленных объектов было бы 12–13 км. Это создавало трудности по доставке работников к месту работы. Поэтому в первом плане города было решено строить Братск на 120 тыс. жителей и к западу от гидроузла, на расстоянии 24 км, заложить другой город со 100-тысячным населением. В соответствии с другим генеральным планом город строителей Братской гидроэлектростанции должен был состоять из трех районов: Правого, Левого на мысе Пурсей и Центрального. За десять лет в них предстояло построить 370 тыс. квадратных метров жилой площади [7].

Строительство города условно начинается с 1955 г., а управление строительства и архитектуры администрации было создано лишь в 1958 г. В его задачи входило осуществление руководства планировкой и застройкой горо-

да, разработка и осуществление генерального плана города, целесообразное и экономическое размещение первоочередного строительства, планировка пригородной зоны и др. Но только 1960-е гг. можно назвать временем создания архитектурного облика города. Выразительно звучат строки одного из отчетов 1961 г.: «В основном строительство в городе ведется в деревне, но начались подготовительные работы к переходу на крупнопанельное строительство» [5].

Вследствие такого положения дел и появились условия для проявления первостроителями инициативы в создании городского пространства.

Обратимся к воспоминаниям первого поколения жителей новых городов и попытаемся определить составляющие их образа города, который в 1950-х гг. существовал только в мечтах. Безусловно, представления о новом городе формировались под влиянием внешних и внутренних факторов (воспитание в семье, идеология, социальный опыт, образование и др.).

Что притягивало молодежь на стройки в районах нового освоения?

Ф. Ю. (демобилизированный моряк-дальневосточник, москвич, 1930 г. р.): *«Я хотел поехать куда-то, куда угодно... Когда ты в детском возрасте знаешь про Папанина, знаешь про Чкалова... Это же все воспитано! Нас всех воспитывали в патриотическом духе... И поэтому куда ехать после демобилизации: или в Москву, в Москве там ошиваться, или, поехать, в самом деле, в интересное место. Почему бы не поехать в Арктику, почему не поехать на ледокол, там где хорошие люди, наверняка»* [4].

Л. З. (выпускница Иркутского института иностранных языков, выросла в г. Кяхта, 1933 г. р.): *«Мне зав. облоно на распределении говорит: “Езжай в Братск... Там будет такое интересное место. Там будет строиться необыкновенная ГЭС. Там будет много интересных людей. Там будет строиться город. Вот ты приедешь – ничего нет, а потом вырастет город большой. Как интересно будет!”»* [3].

Б. С. (выпускник МЭИ, вырос в г. Хабаровске, 1932 г. р.): *«Это был взлет мечты.... Это счастье – делать большое дело...»* [2].

Респонденты обозначают в качестве ведущих мотивов своей социальной практики интерес к новому, возможность реализовать мечту, патриотизм. Для них было важно вписать свою мечту в реалии окружающего мира.

Каким они представляли новый город?

Ф. Ю.: *«Я даже не знал, что такое стройка... Все было в полной неизвестности!!! Братск – где-то далеко в Сибири, неизведанное место, строят какую-то гидроэлектростанцию огромную на Ангаре! Ангара – это что-то романтическое...»* [4].

Л. З.: *«Город... Ну, какой город!? Была тайга. ГЭС строилась...»* [3].

Б. С.: *«Мы о Братске были осведомлены. Выпускники нашего факультета работали в “Нижнеангарскстрое”. Один из них в письме подробно описал нам обстановку на строительстве, описал природу, условия жизни, расположение поселков, где нам сходить в поезде»* [4].

Очевидно, в сознании первостроителей не было конкретного образа города. Они – романтики – были одержимы идеей созидания, большой стройки, интересом к неизведанному, желанием совершить подвиг, оказаться в кругу

интересных людей. Трудности (суровый климат, отсутствие опыта, отдаленность), в том числе и бытовые, были условием реализации цели.

Ф. Ю.: *«Когда началась война, мне было всего-навсего 12 лет. И на крышах был, зажигалки сбрасывал... Жили трудно, жизнь впроголодь. Не жалею, потому что все так жили! Все так жили, и, конечно, это было очень сложно... И учеба была не учеба... Во всяком случае они (условия прежней жизни) рождали способность противостоять трудностям»* [4].

Образ нового города был неотчетливым. Но на этом фоне четко выписан образ главной цели – ГЭС. Цель вписана в природу. Гидростанция на реке Ангаре, в тайге.

Л. З.: *«Мы ходили после уроков гулять к Падунскому створу, к сосне, скале. Там, где надпись»* [3].

Борис С. в своих воспоминаниях говорит о тайге, бруснике, реке. Старый Братск в его памяти выступает в роли уходящей природы: *«Он был обречен, все покосившееся, черное...»* [2].

Можно предположить, что для поколения 1950-х гг. город начинался от Падунского сужения, где кипело строительство. Все остальное пространство было временным, неопределенным. Зеленый городок – палаточный. Клуб – в гараже. Жилье, которое начали по своей инициативе возводить первостроители, называлось «временками». За четыре года пережиты 2–3 переселения: сначала из палаток в брусчатые дома, затем из них, на время строительства постоянного жилья, в помещения большой площади: Дворец спорта, столовую комбината железобетонных изделий (КБЖ(б)), одноэтажные бараки и др. И только в конце 1950-х – начале 1960-х гг. появляется постоянное жилье.

Ландшафт тоже стремительно меняется. После перекрытия Ангары разливается река, начинает наполняться водой ложе водохранилища. Постепенно отступает тайга. В условиях постоянно менявшегося окружающего пространства первым устойчивым признаком города стала строившаяся гидроэлектростанция.

Вторым маркером образа нового города становятся люди – единомышленники, энтузиасты, полные творческих идей, способные на бескорыстие (в труде и в повседневной жизни). Условия жизни были таковы, что практически размываются границы между публичным и приватным пространством.

Ф. Ю.: *«На флоте... красивые одухотворенные люди! Я нигде такого не видел! Ну, может быть, в Братске, в первые годы, когда мы собирались...»* [4].

Л. З.: *«Здесь были все какие-то особенные...»* [3].

Респондентка вспоминает, что в декабрьскую ночь стихийного переселения из палаток (это было в 1955 г.) парни-инженеры в первую очередь бросились помогать им, молодым учительницам. По ее воспоминаниям, студеной ангарская вода в равной степени угрожала снести и палатку, и домик инженеров, оба жилища находились в 10–12 м от воды: *«Мы даже не подозревали ничего! Вдруг прибегают ребята, говорят, что уже поймали бортовую машину, и надо срочно грузить вещи. Вот такие люди были!»* [3].

Бескорыстие, способность заботиться, прежде всего, о других – эти качества, по мнению респондентов, были нормой в молодом городе.

Ф. Ю.: *«Условия суровые, необходимость коллектива, какое-то сплочение, взаимопомощь... А в Братске были как раз такие условия! В Братске можно было заниматься чем угодно! Чем душа пожелает, потому что сподвижников ты мог найти в любом деле! В любом хорошем деле ты мог найти десяток сподвижников.*

Сюда повалил народ. А валил-то кто в основном? Как вы понимаете, сюда рвалась лучшая часть молодежи... Ну, я по благу устроился работать в тайгу... на строительство ЛЭП-220, по благу!!! А сколько по окончании институтов энергетических. А в институтах все знали о строительстве Братской ГЭС. Они испытывали такие же чувства, я уверен! А что значит лучшие студенты? Ведь давали путевки в Братск только лучшим студентам. Там же, ведь, тянули жребий... Вот тебе 20 мест, 5 из них в Братск. И они тянули жребий. Там никакой красный диплом не поможет. И вот кому повезло – тому повезло. Рвались-то лучшие люди (выпускники МИСИ, МЭИ)...» [4].

Б. С.: *«Собрались в нужное время нужные люди. И оставались только нужные люди. Шел отбор. Я помню... в Тайшете... встречались... одни туда едут – другие сюда» [2].*

Участники событий не отрицают, что не все оставались в этом неструктурированном пространстве, немало людей покидали стройку. Но, приводя примеры обратной миграции, они невольно подчеркивают, что на стройке оставались только «особенные» люди.

Третьим маркером образа нового города, на наш взгляд, является возможность воплощения в какой-либо форме творческих идей (это и возможность, и условие самореализации).

К числу таковых можно отнести устный журнал «Глобус». Из интервью с Ф. Ю.: *«Вообще ведь “Глобус” породил очень много ответвлений. Клуб “Ангара” ведь тоже был порождением “Глобуса”... Это была комсомольская стройка, она была на общественных началах.... По выходным дням, по вечерам... Более того, два ансамбля Моспроекта (молодые архитекторы)... они приехали, выступали. И они приехали сюда. Они сделали проект на общественных началах.... 50 листов. Это был лучший клуб!» [4].* Обратим внимание на такой феномен: «комсомольская стройка» на «комсомольской стройке».

Работа с архивными материалами, устными рассказами, визуальными документами позволила выделить большой круг дел, которые вершились только по инициативе приехавшей на стройку молодежи, а не по решению идеологических структур:

- театральные постановки в клубе «Гидростроитель». Одной из первых была оперетта «Свадьба в Малиновке»;
- создание ансамбля инженеров Гидропроекта «Гитурист». Эти же молодые люди ставили сатирические спектакли на актуальные для горожан темы;
- туристические слеты на острове Тэнга, собиравшие по несколько тысяч человек;
- праздник рукотворного Братского моря. Первый День моря состоялся в 1962 г. на мысе Пурсей, откуда была хорошо видна Братская ГЭС;

- строительство во внерабочее время Дворца спорта в поселке Падун;
- создание яхт-клуба;
- создание военно-морского лагеря «Варяг» для подростков.

В воспоминаниях респондентов подчеркивается, что они были свободны в выборе тем для обсуждения, форм реализации своих идей:

Ф. П.: *«Мы говорили о Мейерхольде, когда он был закрыт, об Эрнсте Неизвестном, когда он был закрыт... Евтушенко выступал... Братск у нас особая территория. Евтушенко приезжал несколько раз... он был поражен, потому что в Москве ему не давали выступать... Он здесь почувствовал глоток свободы»* [4].

Братск стал для определенной части первостроителей воплощением их представления о свободе, пространством свободы.

К началу 1960-х идеи обретают форму. Видимыми и определенными становятся границы физического пространства города. Даже в семантике названий появляются термины, указывающие на некую завершенность. Так, поселок Падун получил название Постоянный. В этом районе была построена первая улица нового города, вдоль которой стояли коттеджи для первостроителей и двухэтажные деревянные дома. Здесь же разместились управления главных строительных организаций.

Новым городом называли поселок Энергетик. Именно тут возвели первый крупнопанельный дом, по улице Сибирской. Эта относительная упорядоченность, с одной стороны, была свидетельством воплощения «мечты о новом городе», с другой стороны, становилась точкой отсчета новых мечтаний.

Обращает на себя внимание следующий феномен. Определенная часть представителей этого поколения не стремится укрыться в новом городе, определить его границы.

Ф. П.: *«В 1962 г. мне казалось, что в Братске уже все сделано! В Братске уже дом есть, уже ГЭС, уже цивилизация! А вот Усть-Илим, вот там еще ничего... Там еще только 4 палатки стоят»* [4].

По словам Б. Сальникова, *«дух Братска переместился на Усть-Илимск!»* [2]. Новый город, в нашем случае Братск, стал неким универсальным символом эпохи великих строек второй половины XX в. По мере воплощения в той или иной форме образа «города мечты» молодежи 50–60-х гг., конкретный город становится местом производства (или создания) смыслов. Они носят перманентный характер, поскольку определенная часть первостроителей (носителей этих смыслов) покидает еще возводимый город и погружается в преобразование нового неструктурированного пространства, а вместе с тем и самого себя. Однако для многих из них возвращение к точкам отсчета необходимо для того, чтобы ощутить масштабы или степень этих изменений.

Таким образом, мечта о Новом городе явно носит сюрреалистичный характер – это «город как идея». С одной стороны, она не привязана к конкретным пространственным границам. Но можно предположить, что это способ организации пространства и времени. Город как идея формирует людей определенного уклада жизни. Они испытывают потребность в поддержании своей

мечты в динамичном состоянии. Можно выделить такие связки: Братск – Железногорск-Илимский – Усть-Илимск – Козинск, Шелехов – Байкальск.

Однако временные границы (города как идеи) обозримы. Если нижняя граница – это 1950-е гг., то верхняя определена второй половиной 1970-х гг. – началом 1980-х гг. Наша респондентка Н. З. (выпускница техникума в Днепропетровске) так описывает свои первые впечатления о Козинске, городе строителей Богучанской ГЭС: «Нас распределили на строительство ГЭС. Мы на АН-2 прилетели на стройку. Выходим, а вокруг... Глушь!!! Представляет! Я говорю своему однокурснику: “Дима! Пока не поздно, давай назад, в самолет!” Ну, представляет, мы из Днепропетровска! Там город, улицы, красиво! А здесь? Что?» [1]. Эпоха романтики уходит в прошлое. Для представителей другого поколения важны ценности иного характера.

Масштабное конструирование среды обитания в соответствии с потребностями и возможностями участников разного уровня этого процесса, безусловно, приводило не только к изменениям, но и противоречиям физического и социального характера. Источники личного происхождения, в том числе и устные воспоминания первостроителей разных поколений, позволяют увидеть, как менялись их представления о том, как должен быть устроен мир, человеческие отношения, выявить устойчивые ценностные ориентиры и формы их сохранения в новых городах.

1. Архив устных воспоминаний НИЛ ГИ, воспоминания Зубовой С. П., 1960 г. р., аудиозапись, г. Братск.
2. Архив устных воспоминаний НИЛ ГИ, воспоминания Салаховой (Загубе-люк) Л. В., 1933 г. р., аудиозапись, 2007 г., г. Братск.
3. Архив устных воспоминаний НИЛ ГИ, воспоминания Сальникова Б. С., 1932 г. р., аудиозапись, 2007 г., г. Братск.
4. Архив устных воспоминаний НИЛ ГИ, воспоминания Юсфина Ф. П., 1930 г. р., видеозапись, 2001 г., г. Братск.
5. Архивный отдел администрации г. Братска (АОАГБ) Ф. Р. – 83. Оп. 1. Д. 3. Л. 9.
6. *Биттнер С.* «Куда идет историческая урбанистика?» // Антропологический форум. – № 12. – С. 37.
7. Больше жилья трудящимся // Огни Ангары. – 1958. – 4 янв.
8. *Брокгауз Ф. А.* Энциклопедический словарь (Г-Д). Кн. 4 [Электронный ресурс] / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz_efron/31353. (дата обращения: 6.05.2013).
9. *Бурдые Пьер.* Социальное пространство: поля и практики : пер. с фр. / сост., общ. ред., пер. и послесл. Н. А. Шматко. – СПб. : Алетейя ; М. : Ин-т экспериментальной социологии, 2005. – 576 с.
10. *Волков В.* Осмысленность города [Электронный ресурс] // Научно-культурологический журн. – № 9. – URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-w.woa/wa/Main?textid=2199&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 14.08.2013)
11. *Ковалев А. Я.* Гигант на Ангаре / А. Я. Ковалев. – М., 1970. – С. 140.
12. Полос мужества / отв. ред. Б. А. Костюковский. – М. : Сов. Россия, 1963. – 536 с.

The Dream of a New City: Binding to the Territory and Circumstances

L. M. Salakhova

East-Siberian Academy of Education, Irkutsk

The article highlights the problem of formation of the social space of new industrial cities that were built in the second half of the XXth century. In terms of the oral history documents the author tries to find the dominant values in the minds of citizens of the first generation who influenced on the formation of identity of the first builders of the Siberian cities.

Key words: socio-cultural research, the image of the city, social community, oral history.

Салахова Лариса Марсовна – кандидат исторических наук, кафедра истории и методики Восточно-Сибирской государственной академии образования, 664011, г. Иркутск, ул. Сухэ-Батора, 9–215, тел. 8(3952)240700, e-mail: mars62@rambler.ru

Salakhova Larisa Marsovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Methodology, East-Siberian State Academy of Education, 664011, Irkutsk, Sukhe-Baatar St., 9–215, phone 8 (3952)240700, e-mail: mars62@rambler.ru